

Алексею РОМАНОВУ, старому рок-н-рольщику, человеку из группы «Воскресение», — 49. Он поразительно легок в общении, свободен и самокритичен. Мало кто, будучи в здравом уме, может долго говорить о всяких умных вещах, а потом неожиданно ляпнуть: «Фигню я сморзил, такое со мной часто бывает». Он настолько естествен, что не считает нужным за что-либо прятаться — ни за иронию, как Гребенщиков, ни за снобизм, как Макаревич. Жаль, интонации на бумаге не передашь. Буквы и фразы не в силах зафиксировать романовские глаза, выражение которых быстро меняется от детского блеска до всепоглощающего спокойствия мудрого старика. И наоборот. Иногда — с остановками на промежуточных станциях...

— Вы производите впечатление предельно толерантного человека. В мыслях вы так же благообразны?

— Хотелось бы, хотя черные мысли иногда накрывают, и думаешь: вот было бы здорово дать прямо с балкона из крупнокалиберного пулемета по этой вопящей сигнализации! Когда машины какие-нибудь начинают пищать среди ночи, я прямо так и вижу себя в старинном летном кожаном шлеме, с пулеметом в руках...

Обаяние — это у меня внешняя оболочка, внутри — дьявол, можно даже сказать, человеконенавистник. Если бы я был весь из себя сахарный, а сзади — яблочный, то это был бы не рок-н-ролл, а Хулио Иглесиас. Но «к искусству, которое я в данный момент представляю, это не имеет никакого отношения». Цитата — Ильф и Петров.

— Вы редко даете интервью. Умышленно стараетесь держаться в тени?

— Ко мне никто не пристаёт, потому что я — не публичная фигура. Не люблю выступать по телевидению, фотографироваться. В конечном счете мне надо, чтобы меня оставили в покое. Но тогда я останусь без штанов, поэтому приходится балансировать. Что неудивительно, поскольку я — Весы, это очень удобный знак, очень комфортный. Когда у меня стали регулярно брать интервью, мне быстро надоело отвечать на одни и те же вопросы, и я придумал фортель, после которого спрашивающий человек начинает рассказывать о себе. Технический прием неважен, главное — настроиться соответствующим образом и толкнуть человека на воспоминания.

Когда во время разговора предельно раскрываешься, очень долго потом болит душа, и начинаешь задумываться, нужно ли было это делать. Мне кажется, надо просто находить золотую середину между откровением, игрой в гуру и полным раздолбайством — нельзя же глупости отвечать бесконечно или, переворачивая вопрос, отсылать его обратно.

Последнее время раздражают так называемые навоящие вопросы. С некоторых пор появилась такая маэра у журналистов: «А не считаете ли вы, что...» И дают целый веер альтернатив, из которых ни одна не подходит. «Не считаете ли вы, что ваша последняя песня — полное дерьмо?». Ну что можно сказать по этому поводу? Нет, я так не считаю. Даже если я так и думаю, то говорить об этом вряд ли захочу.

— Кто виноват, что ваши новые песни не звучат на концертах и не выходят на пластинках? Да и есть ли они?

— Новых песен очень мало, потому что я сильно поумнел и те песни, что писал в двадцать лет, сейчас бы уже не стал сочинять. «Кто виноват» и прочие вещи того времени сейчас

уже были бы для меня проходными, хотя именно их несовершенство подталкивает на то, чтобы выкинуть еще какое-нибудь коленце. За это время очень много узнал о профессии, очень много читал стихов хороших. И, можно сказать, почувствовал гражданскую ответственность за то, что делаю. Все привыкли, что я пою «Кто виноват», и другим

— В творчестве Алексея Романова социальные мотивы практически не присутствуют, а как человека они его волнуют? Та же гибель американских высоток, например.

— Конечно, такие вещи затрагивают. Хотя бы потому, что, когда я попал на Манхэттен — надо сказать, с большим предубеждением к Америке, — уже на второй день был совершенно очарован небоскребами. Они казались мне живыми существами, потому что у каждого — свой характер. И «близнецов» особенно жалко, потому что это редкое инженерное чудо. В Нью-Йорке и так уже много всего понапихано, но, что еще ни воткни, все равно будет хорошо. Это похоже на сумасшедшую Москву, вставшую на дыбы, — безалаберная и при этом очень человечная архитектура.

Ощущаете себя человеком, с которым все так, как должно быть?

— Конечно, судьба, все так и должно было быть. Я думаю, большая редкость, когда у человека все вдруг ломается радикально, — тогда это настоящая личностная трагедия. У меня такого не было. Может быть, я и сам постоянно подстилаю соломки, делаю разные ухищрения по выживанию. Есть такие наблюдения в биологии: у крыс, например, в случае конфликтов погибают самые боевые и самые слабые. А интеллигенция, которая попрыгивает сигареточкой и посматривает свысока на то на се, остается целой и невредимой.

В нашей борьбе главное — выжить. Цинично, конечно, но и все остальное не так уж сахарно. Алексей Романов — вообще жуткий ци-

— Печально вы смотрите на человечество.

— Никак я на него не смотрю. Это точно так же, как если меня спрашивают, что я думаю о нашей публике. Я о ней не думаю, а просто знаю, что она есть. Хорошо, когда в зале аншлаг и играешь не пустым стульям, но я не рассматриваю публику как толпу. Это сборище индивидуумов, я всегда соотношу их положение с теми ситуациями, когда сам нахожусь в роли зрителя: при любой степени воодушевления это только мои личные переживания, хотя общие эмоциональные порывы, конечно, захватывают. Но захватывают только часть психики, небольшую, самую поверхностную. Это как поддаться панике — лучше ведь ей не поддаваться.

Я думаю, индивидуумы — самое ценное, что есть в

ЗАСТЕНЧИВЫЙ БУНТАРЬ

Понедельник начинается с «Воскресения»

меня не представляют. Ну и ладно, ничего страшного.

Если я за год напишу хотя бы две песни, считаю, что это удача. Поэтому, пока пластинка наберется, много времени пройдет. Новые вещи не то чтобы сильнее предыдущих, но я в состоянии за них ответить. По крайней мере, сейчас. Хотя, наверное, через пару лет еще поумнею, и мне опять станет тошно. Классик же наш сказал: «Поэзия, помилуй бог, должна быть глуповата». Ну а я настолько высокого мнения о себе, что на глупости не дерзаю.

— Недавно попался альманах «Про Рок», где были напечатаны десять ваших стихотворений, так и не ставших песнями.

— С этим делом я вообще завязал. Пока, по крайней мере. Это, конечно, моя личная точка зрения, но я думаю, что в поэзию надо погружаться целиком и только ею фанатично заниматься, чтобы все остальное было хобби, фигней. А играть на гитаре, профессионально петь и при этом еще писать стихи — я так не умею.

— Но если говорить о рок-текстах, то они существуют по совершенно другим законам, чем поэзия.

— Да, пожалуй. Чтобы писать стихи — именно стихи, надо отрастить себе огромную совесть. Для русской поэзии характерна огромная духовная работа, русский стих — это обязательно послание. У Пушкина, например, любовная лирика была трамплином для мощных философских вещей. Годом к тридцати он перебесился окончательно, перестал быть рок-звездой и стал серьезным автором. Дожил бы лет до шестидесяти, занялся бы фундаментальной прозой, а Льву Толстому осталось бы что-нибудь другое. Авангардом заниматься, например.

Но даже если я стану сознательно думать о таких вещах, когда буду что-то сочинять, все равно впрямую ничего социального не затрону. Мне кажется, некрасиво агитки сочинять, нехорошо. Их злободневность уходит, и остается голая конструкция, которая ничего не значит. Пропуская все это через себя, надо выдавать результат в «закамуфлированном» виде.

— Представив себя альпинистом, кем себе кажется: человеком, который уже спускается вниз или еще не достиг пика?

— О пике не мечтаю. Иду по плато, которое когда-нибудь кончится, — я не знаю, чем. Загадывать не хочу, но специально что-то ломать не собираюсь. Нынешнее хрупкое равновесие дорогого стоит.

— А частью какой-то общности себя ощущаете? Кроме группы «Воскресение»...

— Сообщество людей — достаточно мерзкая штука, если судить по его делам. Можно почитать Библию, и не надо никаких русских народных сказок: уже в Ветхом завете все друг друга «мочат» и предают. Но до полного отчаяния обычно не дохожу, хотя бываю, конечно, всякие черные периоды.

— И тогда пишется такие песни, как «Кто виноват»?

— Это гораздо более личностная вещь, чем кажется, обобщение там получилось само собой. А вот, например, «Последняя любовь по прозвищу смерть» гораздо хитрее устроена, она лаконичнее, там обошлось без поверхностных обобщений. Вроде бы все там о себе, но это тоже некое послание. Чтоб вы все слыхли! А с другой стороны — пока ты не помер, жизнь идет на всю катушку!

— Как вы думаете, все, что с вами произошло, — судьба или случайность?

Алексей Романов

ник, прагматик и даже марксист. Собственно, любое законченное учение — когда есть учебник, учителя и ученики, — становится философией, даже если это чистая политэкономия. Коммунизм — это способ руководить массами, как и империализм, которого тоже нет. Это фикции.

— Вам не кажется, что идеи коммунизма близки христианству?

— Только не в области практической реализации идеи. Господа большевики никакой личной ответственности перед своей совестью не несли. Они отвечали друг перед другом точно так же, как во времена Французской революции: сначала истребили аристократов, а потом стали кушать друг друга. Но это опять же больше из области биологии, чем философии.

обществе. Человек всегда несет в себе социальность и хочет какого-то сообщества людей. Конечно, при условии, если это полноценный и зрелый биологический продукт. Это и семья, и компания — единомышленники, сослуживцы, рок-группа. Ну и, конечно, все, что окружает эту компанию, — мы не свободны друг от друга, еще старик Ленин это подметил. Когда я сидел в Бутырской тюрьме, в коридоре там висели нравоучительные плакаты, и один из них — тот самый: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Думаю, он имел в виду не «нельзя», а «невозможно». Как правило, любой бунтарь и анархист в глубине души — тихий семейный человек.

● Беседовал Анатолий ОБЫДЕНКИН

Я так и вижу себя в старинном летном шлеме, с пулеметом в руках...

Романов Алексей

14302

А67